

Вопросы истории. 1983, № 1
Дружинин Николай Михайлович

О ТРЕХ УЧАСТНИЦАХ РЕВОЛЮЦИОННОЙ БОРЬБЫ

Одной из особенностей революционного движения в России в XIX и в начале XX в. было широкое и активное участие в нем женщин, преимущественно молодых. В то время как в Англии, Франции, Германии и других западноевропейских странах подавляющая масса женщин ограничивалась домашним хозяйством и была слабо затронута революционным движением, иную картину представляла дореволюционная Россия. Здесь женщины наряду с мужчинами разделяли все опасности и страдания, связанные с борьбой за лучшее будущее своей Родины. Я принимал тогда активное участие в революционной борьбе и не раз при этом встречался, обменивался мнениями и опытом, совместно действовал как с рядовыми, скромными, но убежденными ее участницами, так и с выдающимися деятельницами, накопившими большой жизненный и политический опыт. Здесь были разные характеры, различные формы борьбы и неодинаковые судьбы. В моей памяти особенно ярко запечатлелись образы трех женщин — Инессы (Елизаветы Федоровны) Арманд, Л. А. Воскресенской и В. Н. Фигнер. До известной степени они могут служить примерами различных типов русских женщин-революционерок.

В связи с ранним периодом, рубежом XIX—XX вв., передо мной встает образ Инессы Федоровны Арманд. Я познакомился с ней, будучи 18-летним юношей, через своего товарища, активного посетителя передовых кружков Владимира Евгеньевича Арманда, который был ее мужем. Это был сын заводчика, приехавшего из Франции и открывшего крупную фабрику в с. Пушкино Московской губернии.

С юных лет Инесса Федоровна страстно занималась самообразованием, но не была удовлетворена обеспеченной созерцательной жизнью. Ее влекла к себе общественная деятельность. Однако участие в легальных благотворительных и просветительных обществах не могло отвечать ее духовным запросам. В. Е. Арманд уже был знаком с учением Маркса и Энгельса, поддерживал связи с революционерами и сам постепенно втягивался в политическую борьбу. Своими взглядами он делился с женой, которая нашла в них желанную идейную опору, отвечавшую ее запросам. В 1904 г. она была уже убежденной последовательницей большевистских взглядов. Именно тогда я стал посещать политические собрания в семье молодых Армандов.

Осень 1904 г. была кануном первой российской революции. Шла русско-японская война, сообщения из Маньчжурии непрерывно извещали о поражениях царской армии и ее отступлении. Престиж самодержавия был подорван, правительство оказалось бессильным против росшего в стране политического брожения. Развернулось широкое общественное движение. Буржуазия, охваченная политической оппозицией, организовала серию либеральных банкетов в форме легальных застольных собраний. Попытка же правительства использовать движение, усилившееся и в пролетарских массах, в форме гапоновщины обернулась против самих властей. Все шире и острее ощущалась революционная тенденция, которая охватывала рабочие массы. Этот процесс со всей силой обнаружился после расстрела 9 января 1905 г. рабочих, пришедших к Зимнему дворцу просить царя удовлетворить их экономические требования. Вера в самодержавие рушилась и уступала место революционной борьбе, которая достигла затем наибольшей силы в октябре — декабре 1905 года.

Осенью 1904 г. оппозиционное движение охватило также университетскую молодежь. В то время я был студентом Московского университета, участвовал в сходках и уличных демонстрациях, выполнял политические поручения подпольных организаций и усиленно изучая марксистские сочинения, зачитывался нелегальной литературой. Квар-

Рекомендуем материалы
 раздела библиотеки

«Революция - женского рода!»

<http://vive-liberta.diary.ru/p200129424.htm>

тира Армандов была тогда одним из тех центров, где под видом посещения гостей часто проходили встречи, на которых читались политические доклады. При этом открыто высказывались революционные взгляды. Еще в старшем классе гимназии у меня установились революционные связи. Теперь от совместных обсуждений текущих событий я и мои товарищи стали переходить к подпольным формам борьбы.

Когда осенью 1904 г. я близко познакомился с Инессой Федоровной, она только что вернулась из Швейцарии и привезла с собой целый чемодан нелегальной литературы, которую через меня поместила в надежном месте — на квартире моей старшей сестры, которую через меня поместила в надежном месте — на квартире моей старшей сестры, к которой часто приходил актер. Частые встречи способствовали укреплению наших дружеских отношений. Мы помогали книгами и брошюрами пропагандистской работы Московского комитета РСДРП. Для получения и доставки нужных книг из этой небольшой библиотеки были приглашены я и студент второго курса историко-филологического факультета Н. М. Лукин (позднее — видный советский историк, академик). Был выработан порядок передачи через нас нелегальной литературы другим лицам на зарываемых местах (явочных квартирах, предоставленных для встреч с сочувствующим). Место хранения изданий было известно только мне и Лукину. Этот порядок оптимизировали. Место хранения изданий было известно только мне и Лукину. Этот порядок оптимизировали. Место хранения изданий было известно только мне и Лукину. Этот порядок оптимизировали. Место хранения изданий было известно только мне и Лукину. Этот порядок оптимизировали.

К сожалению, вселяясь в новую квартиру, Арманды допустили большую ошибку: они разрешили жить в ней члену партии социалистов-революционеров И. И. Николаеву, который оказался плохим конспиратором: в отведенной ему комнате он хранил не только нелегальную литературу, но и оружие. Вскоре это привело к катастрофе. Дело в том, что после убийства эсерами московского генерал-губернатора великого князя Сергея в начале февраля 1905 г. полиция произвела массовые обыски, в том числе у Армандов. Николаев и хозяева квартиры были арестованы и заключены в тюрьму, а в квартире полиция устроила засаду. Все приходившие подвергались обыску и при малейшей улике тоже отправлялись в тюрьму. В течение нескольких дней в засаду попало много эсеров и социал-демократов, приходивших кто — к жильцу, а кто — к хозяевам. Когда в назначенный день на эту, казалось бы, надежную квартиру явился и я, меня обыскали и мучили на эту, казалось бы, надежную квартиру явился и я, меня обыскали и мучили на эту, казалось бы, надежную квартиру явился и я, меня обыскали и мучили.

В полицейском участке я увидел Владимира Евгеньевича и Инессу Федоровну, и мы успели договориться, как вести себя во время следствия. Полиция ошибочно полагала, что я принадлежу к эсерам, и поместила меня сначала в одну из башен Бутырской тюрьмы, где были сосредоточены все подозреваемые в подготовке убийства великого князя Сергея. По мере полицейского следствия более отчетливо выяснялась действительная обстановка. Социал-демократы, в том числе и я, были переведены из Бутырской тюрьмы в Таганскую, где находились арестованные по политическим мотивам, но не террористы. Эта тюрьма в Лефортовском районе была построена с соблюдением всех требований. Однако после Кровавого воскресенья в смысле надзора и степени строгости заключения. Однако после Кровавого воскресенья в смысле надзора и степени строгости заключения. Однако после Кровавого воскресенья в смысле надзора и степени строгости заключения. Однако после Кровавого воскресенья в смысле надзора и степени строгости заключения. Однако после Кровавого воскресенья в смысле надзора и степени строгости заключения.

давали возможность всем заключенным быть в курсе событий. На свидания с заключенными приходили уполномоченные подпольных организаций. Тюрьма стала как бы центром, где завязывались знакомства, сообщались извне различные сведения. Связи между камерами и революционными организациями поддерживались успешно, так как беседы с приходившими «родственниками» и «невестами» не контролировались тюремным начальством. В такой обстановке я узнал много неизвестного и установил новые политические связи.

Через два месяца я был вызван в охранное отделение, где мне было предложено выбрать любой губернский город для проживания там под полицейским надзором вплоть до решения суда. Сначала потребовали немедленно ехать на вокзал с полученным «проходным свидетельством». Затем, после настойчивых возражений с моей стороны и хлопот моей сестры, мне разрешили провести две недели в Москве. С мая 1905 г. я уже находился в Саратове, где, несмотря на секретный надзор, активно работал в местной социал-демократической организации. У меня складывалось убеждение, что Московское охранное отделение, а затем и саратовские власти просто потеряли голову перед лицом буйствовавших революционных событий¹. В конце июля 1905 г. я был вновь арестован в связи с подготовкой отпора reactionary черносотенному погрому.

С И. Ф. Арманд я больше не встречался. Следствие по моему делу длилось довольно долго, ее переводили из тюрьмы в тюрьму, а 3 июня 1905 г. освободили, отдав под особый надзор. После царского манифеста 17 октября 1905 г. судебное преследование ее было прекращено.

...12 октября 1920 г. в глубокой скорби шел я за гробом Инессы Федоровны, скончавшейся на Кавказе от тяжелой болезни. Ее хоронили на Красной площади. В нескольких шагах от меня был В. И. Ленин. Мне навсегда запомнилось его лицо, суровое и сосредоточенное.

* * *

Среди других знакомых мне участниц подпольного революционного движения начала 1900-х годов хочу выделить Л. А. Воскресенскую, мать моего сверстника и товарища гимназических лет Германа Воскресенского. Людмила Александровна была педагогом, в течение многих лет возглавляла женскую гимназию, которую московские партийцы считали передовой. Позднее руководство гимназией перешло к Варваре Васильевне Потоцкой, которая в 1906 г. и позже поддерживала близкие связи с партийными кругами. В 1906 г. Воскресенская целиком посвятила себя подпольной революционной деятельности и продолжала ее в последующие годы.

Когда я познакомился с нею в 1903 г., это была женщина средних лет, приветливая, внешне привлекательная. Она отличалась широким кругозором, разносторонним образованием, организаторскими способностями. Хорошее знание марксистских работ сочеталось у нее с большим педагогическим опытом. Она имела широкие связи с передовыми кругами Москвы, параллельно педагогической деятельности вела большую пропагандистскую, а позднее и организационную работу. В РСДРП ей давали весьма ответственные поручения. Я тогда был гимназистом и только начал участвовать в подпольной работе.

Мы оба входили в состав Рогожского районного комитета Московской городской организации РСДРП, и я не раз убеждался в преданности Людмилы Александровны делу партии, ее опытности и широких знаниях.

Особенно запомнились мне месяцы 1906 г., когда я вернулся из саратовской ссылки и мне было поручено работать в Рогожском парткомитете². В то время Людмила Александровна руководила районной пропагандистской группой: комплектовала ее состав, активно участвовала в подготовке программ для товарищей, стоявших во главе пропагандистских кружков, которые знакомили рабочих с партийной политикой и по-

¹ О моей работе в Саратове см. Дружинин Н. М. В Саратове в 1905 г. (воспоминания). В кн.: Поволжский край. Вып. 5. Саратов. 1977. Ср.: Муратов Х. Революционное движение среди солдат и гарнизонов Среднего Поволжья.— Там же, с. 222.

² Подробнее об этой организации см. Дружинин Н. История Пролетарской (бывш. Рогожско-Симоновской) большевистской организации, 1906—1916 гг. М.—Л. 1931.

могали подбору организаторов заводских подпольных комитетов. Благодаря непосредственной связи с активными заводскими рабочими эти комитеты следили за настроениями в пролетарской среде и были проводниками большевистской идеологии и тактики. Л. А. Воскресенская хорошо справлялась со своими функциями: каждый день она неизменно посещала явочную квартиру, куда сходились пропагандисты, организаторы и рабочие — председатели заводских комитетов, получала и раздавала нелегальную литературу, сообщала о постановлениях МК РСДРП, распределяла пропагандистов по вновь образованным кружкам. В ее задачу входили также подготовка и проведение больших рабочих собраний, в частности подпольных митингов, посвященных наиболее важным текущим событиям.

Следует отметить большую роль Л. А. Воскресенской в политическом воспитании женщин. Для Москвы и Московской губернии, крупного центра текстильной промышленности с преобладанием женщин-работниц, это имело огромное значение. Пропаганда в среде работниц отличалась особыми трудностями: наряду с 8 или 10-часовым трудом на предприятии им нужно было справляться с семейным хозяйством и воспитывать детей. Женщине среднего возраста было уже не под силу совмещать все это, и в качестве активных исполнителей партийных поручений преобладали молодые девушки. Недостаток опыта восполнялся у них горячей преданностью делу партии и усердием при выполнении поручений. На предприятиях, где преобладали мужчины, работницы занимали второстепенное место по численности и по влиянию на массы. Однако и здесь выделялись наиболее одаренные и готовые на самопожертвование девушки. Они завели дружбу с товарищами по фабрике, прислушивались к их запросам, сомнениям и помогали им включиться в активную работу. Наиболее способные становились фабричными организаторами, а некоторые под влиянием Л. А. Воскресенской принимали решение целиком посвятить себя революционной деятельности. Одним из примеров таких «выдвиженок» была Таня Стáрикова, умная и убежденная сторонница большевиков в период формирования боевого крыла РСДРП. Она работала на кондитерской фабрике СИУ.

После победы Великого Октября, когда я был уже специалистом-историком, наше сотрудничество с Людмилой Александровной возобновилось, но в другой обстановке: мы оба работали в Политико-просветительном отделе Военного комиссариата Москвы и Московской губернии, созданном в начале гражданской войны. И на этот раз мы действовали согласованно и дружно, вдохновленные единой мыслью об укреплении Советского государства³.

* * *

Особую категорию выдающихся женщин представляли собой ветераны революционного движения. В глазах передовой молодежи они были окружены ореолом страстной и преданной борьбы за лучшее будущее и оказывали большое воспитательное влияние на формирование новых отрядов борцов революции. Они поддерживали постоянное влияние на формирование новых отрядов борцов революции. Они поддерживали постоянную духовную связь с молодежью, делились с нею воспоминаниями и политическим опытом, были порою советниками тех, кто впервые приступал к общественно-политической деятельности. Среди этих ветеранов выделялась Вера Николаевна Фигнер, игравшая крупную роль в последний период народнического движения. Молодежь привлекали в ней ясный ум и горячее сердце. Накануне революции 1905 г. Вера Николаевна была освобождена из одиночной камеры Шлиссельбургской крепости, где она провела 20 лет. Ей было тогда больше 50 лет, и она уже не вела подпольной работы. Но ее участие в борьбе все время ощущалось в живом общении с революционной молодежью, советах и активной помощи.

После Великой Октябрьской социалистической революции Вера Николаевна занималась литературной работой и закончила книгу воспоминаний «Запечатленный труд». Она была активным членом созданного весной 1921 г. Общества бывших политка-

³ О моей работе в Политпросветотделе см. Дружинин Н. М. Большевистскую правду — защитникам революции. — Вопросы истории КПСС, 1981, № 4.

торжан и ссыльнопоселенцев. Члены этого Общества занимались и научно-исследовательской работой. При нем было организовано несколько исторических секций, в которых велось изучение российского революционного движения, в том числе участия дворян в освободительной борьбе начала XIX века. Председательницами секции по истории декабристов являлись бывшие народовольцы В. Н. Фигнер и А. В. Якимова. Будучи одним из секретарей этой секции (другим был Б. Е. Сыроечковский), я часто посещал Веру Николаевну. Она подарила мне свои мемуары, фотокарточку с дарственной надписью. Я очень ее уважал и преклонялся перед ее героизмом. Защищая себя и товарищей и очутившись в Шлиссельбургской крепости в одиночной камере, она боролась с начальником тюрьмы — то был жестокий человек, его прозвали Иродом — и сорвала с него погону. За это Фигнер приговорили к смертной казни, но в Западной Европе началось столь бурное движение в ее защиту, что Александр III вынужден был изменить прежний приговор бессрочной каторгой.

Вера Николаевна мне очень помогла. В 1930 г., когда мне по ошибке было предъявлено необоснованное обвинение, опрашивали также и ее. Показания В. Н. Фигнер сыграли решающую роль в моем оправдании.

22 ноября 1982 г.